

— Олег Павлович, как вы себя чувствуете на месте Олега Николаевича?

— Я не на месте Олега Николаевича. Я на своем месте.

— Хорошо. Когда вы получили это предложение (или назначение?), вы сразу его приняли? Не раздумывая?

— Я уже сочинил в свое время «поэтический» ответ: позднее было бы отказаться.

— Почему?

— Приходить человеку преуспевающему — в руины. Зачем? Я человек экономически независимый. Мои занятия театром хорошо оплачиваются. Работники «Табакерки» по уровню зарплаты в первой пятерке, а то и тройке московских театров. Зачем этому человеку идти во МХАТ? Это мой вопрос вам.

— Поднимать его из руин? Если уж вы употребили это слово...

— Я шел вернуть этому театру, заносясь в своих надеждах довольно высоко, соответствующую его имени работоспособность. Которой он отличался когда-то. Первые десять ефремовских лет это был очень работоспособный театр. У Олега было удивительное свойство: он умел собирать талантливых людей. Додин, Чхеидзе, Гинкас, Васильев ставили у него, и не один раз.

— Судя по афише, у вас тоже ставят первые режиссеры страны.

— Стараемся.

— А сами вы не намерены...

— Не намерен! Не намерен...

— А в «Табакерке»?

— Конечно.

— Кстати, какова теперь ее судьба?

— Нормальная судьба нормального живого театра.

— Как они будут без вас?

— Они со мной... С 74-го года я начал учить детей, просмотрев три с половиной тысячи. Объясните мне, зачем они мне сдались в 39 лет, в зените, можно сказать, славы? Между прочим, тратил деньги свои, уже довольно большие, — при моем, не скрою, неравнодушии к этой субстанции (смеется)... Зачем? Я строил свой театр. Тот, тот, подвал на Чапыгина. И если через тридцать лет, после всех этих забав и затей, на площади Маяковского, на месте разрушенного «Современника» встанет театр под руководством Табакова — в этом есть логическое завершение истории.

— Но вы же не можете разорваться. Вы же не двуликий Янус...

— Я двуликий. Я даже, можно сказать, дву...пый... Меня всегда отличала раздражающая многих способность сидеть на нескольких стульях.

— Вы писали о своем директорстве в «Современнике» — «шесть лет позора»...

— Ну, это кокетство... А если честно, то попытка исправить забывчивость моих товарищей по «Современнику», которые делают вид, что тех шести лет вроде как и не было, а Галина Борисовна получила этот театр непосредственно из рук Олега Николаевича. Но помилуйте! Кто бы в те поры — женщину! еврейку! не члена партии! — назначил главным режиссером? Без поддержки «дилехтора», назначенного горкомом, да еще весьма известного киноартиста? Кто бы ее назначил — куда-нибудь?

— А свое теперешнее назначение вы ожидали?

— Честно говоря, да. И сиендрион все как-то пытался меня толкать в эту сторону...

— Вы царедворец?

— Нет. Я всегда был профессионалом. И довольно скептически относился к диссидентству. Всегда был столь честолюбив, что считал: я своим ремеслом могу менять нравы. «И истину царям с улыбкой возвещать...» Может быть,

из-за этого дистанцирования власть всегда тянулась ко мне. В общем, вопрос, конечно, витал, и витал повсюду: кто, кроме?... Беда-то случилась в одночасье... Растерялись. Олег умер 24-го, а 9-го меня уже представили труппе.

— Вы не ощущаете в этом... некоей... некоего...

— Некой — что? Судьбы?

— Нет-нет...

— Инсценировки?

— Боже упаси. Некоего неудобства, что ли...

— Неудобства? От чего? Вот если бы, не дай Бог, какой-нибудь живой театр остался без руководителя — и я бы туда явился. В свое время Михаил Васильевич Зимянин предлагал мне возглавить Таганку. Вот это было бы нелепо. Живой театр (да и при живом, кстати, режиссере). Я не согласился. Предвидел, какие страсти там разыграются. А Анатолий Васильевич Эфрос согласился. Я поступил — не скажу умнее, но хитрее.

— То есть во МХАТ вы шли как на пепелище и отдавали себе в этом отчет? И не боялись погибнуть под этими столетними обломками?

— А что, я похож на дурака?

— Только не на дурака.

— Я — артист. И я хитрый артист. К тому же я слишком честолюбив, чтобы терпеть поражения. Как актер — бывало. Но как человек дела — нет. Если уж я берусь... Руины — еще не смерть.

— Может ли вообще театр, существующий столько лет, сохранить «душу живую»? Есть ли тому примеры?

— Об этом мы поговорим через год. Под руинами теплится жизнь. Нам ли не знать.

— Звучит довольно катастрофично. Мне ближе образ старой коммуналки, которую покупают с тем, чтобы выломать и вынести все изнутри и сделать там евроремонт.

— Евроремонт — тоже не последнее дело. Новые полы из палубного бруса на Малой сцене, которых там никогда не было, мы уже настелили. Но если говорить о театре, то он собирается штучно. Как собиралась «Табакерка». И тогда это будет своя квартира. Своя сьемья. Свой театр.

— Но тот подвал на Чапыгина вы создавали с детьми, с молодежью, строили «под себя»: вы были гуру, учитель. Вы приглашали педагогов из нужного для вашего театра «теста»: Авангарда Леонтьева, Константина Райкина; растили режиссеров... А сюда вы пришли в готовый коллектив, причем не раз уже намекнули, что коллектив мертвый...

— Нельзя так говорить! Это не коллектив мертвый, а театр мертвый, и не мертвый, а руины от театра, это разные вещи. Тут есть талантливые люди! Семичев, Женька Добровольская, Егор Берсов... Мхатовские мастера моего возраста... Да вы что! Какой же это мертвый театр! Это театр живой.

— Вы хитрый артист. И я хочу понять, что вы имеете в виду под руинами и чем они отличаются от мертвого театра?

— Руины — это люди, деленные любовью, успехом и жизненными свершениями. Люди сидели без ролей. Артиста брали на раз — и забывали о нем.

— Говорят, вы уже уволили группу артистов.

— Лишних — уволил. И буду увольнять.

— Говорят, там были люди из выпуска Ефремова.

— Там были люди из разных выпусков. Я не планирую создание мемориала. И я не планирую вернуть былую славу. Я делаю свой театр. Я нежно люблю Валю Гафта и мечтаю сыграть с ним и Сашей Калягиным «В ожидании Годо» Беккета. Приглашал и буду приглашать Ольгу Яковлеву. Это, повторяю, штучное



«Я всегда был профессионалом.

И довольно скептически

относился к диссидентству.

Всегда был столь честолюбив,

что считал: я своим ремеслом

могу менять нравы!»

О ремесле, о нравах, о закулисной просвещенной монархии, о евроремонте в коммуналках, о новом здании «Табакерки» на месте «самого старого» здания «Современника» — с новым художественным руководителем Художественного театра, Мольером новой «Кабалы святош» беседует обозреватель «Новой газеты»

«Кабала святош».

Действие первое

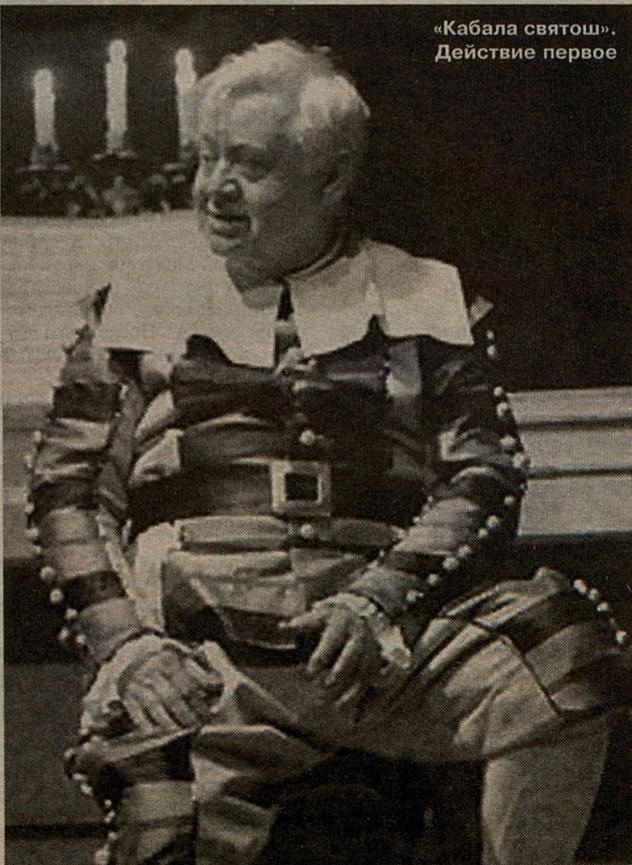


Фото Олега ЧЕРНОУСА

дело. По-од-но-му. Уже выпу- шен ряд спектаклей, пользую- щихся повышенным спросом. «Кабала святош» собирает 444 тысячи рублей. Это столько, сколько три года назад собра- ли десять спектаклей.

— Тем не менее билеты про- давались с рук.

— Спекулянты.

— Нет, по госцене.

— Ну и что? Не пытайтесь меня смутить.

— Смутить вас? Кого Ана- толий Смелянский назвал «ве- ликим лицедеем»?

«Кабала святош» — по те- перешним временам спектакль странный. Публика, конечно, идет «на Табакова», который сменил роль Бутона (в прежней постановке) на Мольера. У «ве- ликого лицедея» был шанс ска- зать о театре и его нравах. Сыграть новый «Театральный роман», поскольку ни подвалы Кабалы, ни подвалы Лубянки сейчас никого не интересуют. Золотая роль для Олега Павло- вича Табакова в его новом каче- стве. Но эта трактовка не привлекла режиссера Адольфа Шапиро. И мы увидели еще один, уже совсем не страшный, конфликт «художник и власть». Конфликт, который артист Та- баков давно исчерпал как в жи- зни, так и на сцене. Ну гнобили

— А вас могут не назна- чить?

— Никогда я для себя ро- лей ни у кого не отбирал. Ни будучи директором «Совре- менника», ни руководителем театра-студии, ни здесь. Это грязное дело, а я брезгливый.

— Вы не собираетесь объеди- нить «Табакерку» с МХАТом?

— Нет. Это два разных организма.

— Но вы же делаете вводы — и отсюда туда, хотя чаще — оттуда.

— Это ловкая и нехитрая позиция, к сожалению, чуждая моим коллегам. Когда-то МХАТ не взял к себе «Совре- менник», потом «Современ- ник» отказался от ребят из подвала...

— Я недавно узнала, как в полевых условиях, на кочевье где-нибудь, лечат гангрену. Прикладывают парные потро- ха: свежую, горячую кровь.

— Вот именно! Ибсен (и, кстати, Немирович) считали, что срок жизни театра — 20 лет, жизнь одного поколения. Иссаяет энергия. В 1924 году, на 26-м году жизни МХАТа, Станиславский и Немирович взяли и поглотили две своих студии. Кто были эти ново- бранцы? Алла Тарасова, Анге- лина Степанова, Ольга Анд-

— Семья? Нет, не семья.

— А что?

— А вы сами же и сказа- ли. Большая коммунальная квартира. В коммунальных квартирах разное происхождение. Между четырьмя комнатами — очень тесные отношения, а в остальных пяти — не здоро- ваются...

Олег (Лелик) с мамой и сводной сестрой жили в сара- товской коммуналке из семи комнат. Это был полный ком- мунальный набор. Две старые еврейки — одинокие сестры. Важный железнодорожник из бывших с крикливой женой и тихими детьми. Люмпены-ал- кашки со сворой детей, в том числе дауном. Психиатр Кац с ангелом-женой Колаковой. Маня-цыганка. И какая-то мифическая шпана под лестни- цей. Опыт коммуналки как один из самых полезных в жи- зни, вероятно, позволяет Олегу Павловичу без особого напря- жения решать тяжелейшие проблемы психологической со- вместимости в таком, прямо скажем, адском гнезде, каким является крупнейший академи- ческий театр. Который, как все мы помним, уже пережил тяжелый раскол, не в силах выдержать собственный вес, объем и амбиции.

— Все-таки слуга?

— Да нет, не слуга, конеч- но. Не гнется уже позвоноч- ник. Я государственный слу- жащий. Государственный слу- жащий и отец солдатом.

— При всей своей многоли- кости и умении сидеть на мно- гих стульях — кто вы все-таки по преимуществу? Психолог? Общественный деятель? Адми- нистратор? Актер?

— Нет. Я актер, наверное, по способностям. А по генети- ческому коду — я собиратель. Так назывался большой под- вал в «Правде»: «СОБИРА- ТЕЛЬ». Не всем было радост- но, что я начинаю тогда, 20 лет назад, собственное теат- ральное дело. Не все подписа- ли письмо Гришину, чтоб дали мне этот несчастный подвал на Чапыгина. Дмитрий Ни- колаевич Журавлев подписал, Ульянов, Розов, Рихтер, Об- разцов... Олег Николаевич Ефремов не подписал.

Олег Ефремов не подписал письма. Олег Ефремов отверг свежие силы из под-

— А как же? Я ж из этой школы. Они мне ремесло в руки дали, вот он (О.Т. разма- шисто указывает назад и вверх, где у него над головой ви- сит большой фотопортрет То- поркова).

— То есть вы разницы меж- ду двумя этими «своими» теат- рами как бы не делаете, что ли?

— Теперь... теперь уже, на- верно, не делаю. Те младше и успешней, эти — старше и опытнее.

— Там семья, здесь — ком- муналка...

Но и зарабатывал — смолду и без натуги. Мой благодетель главный был дядя Коля Литви- нов. Я у него на радио играл Комара. Стылый был парень, что вы! Минута стоила 18 руб- лей. Да и сейчас мне за мою работу платят неплохо.

Знаете, что я заметил? Люди радость получают, когда дают. Вот один кормилец спра- шивает другого: и сколько ты ему (мне) дашь? Как? Всего? И такой спектакль? Это про «№ 13». А я-то своим даю втрое больше, а они все про...рают! Нет, это дело веселое! Угрюм- ство все губит. Черемуха должна быть! Я получаю свою колос- сальную радость, когда выхо- жу на сцену. Если бы мне не давали играть — я бы платил, ей-богу. Немного, рубликов триста. Но приплачивал...

— Ну у вас-то такой проблемы, я думаю, не вста- нет... Хотя задам грубый воп- рос: вы ощущаете возраст?

— Ощущаю, конечно. Ар- троз, то-се... А впрочем, не верьте вы мне. У артиста нет возраста. И болеть он не мо- жет.

— И с молодой женой не забалу- ешь, верно? Тре- бует того-сего...

Олег ТАБАКОВ:

НА ТРУДНОСТИ НЕ ЖАЛУЮСЬ.

ДЕМОКРАТИЮ

ОТМЕНИЛ

его после 30 аншлагов в Праге. Ну не давали «народного» — зас- ветился с другом «отъезжан- том» на вокзале. Ну посидел не- выездным два года. А теперь мил всем и со всеми, хотя в душе и поплеывает на официальный бамонд и даже специального «премьерного» списка гостей нет у него в театре.

Сегодня гораздо интереснее гамбит «художник — худож- ник». Почему не пошел Олег Та- баков к Ефремову во МХАТ? Почему не пошел к Табакову во МХАТ Авангард Леонтьев? Во имя чего жертвуют артисты фигуры в этих довольно жесто- ких играх, скрытых от просце- ниума кулисами? На то и кули- сы. Но на то — и трактовки...

— Лицедей — очень пра- вильное и хорошее слово в при- менении к вам. Но вот став- большим начальником, возгла- вив крупнейший театр страны, с огромным хозяйством, — не обречены ли вы пожертвовать лицедейством, своим безудерж- ным актерским кайфом?

— Ну не-еет! Да вы что! Это даже какое-то глупое предположение! Вы посмот- рите, сколько я играю. Я веселый человек. Сплю мало. Здоровье позволяет. Ничего не отдам! Если, конечно, меня будут здесь назначать на роли...

ровская, Клавдия Еланская... Из театра Корша приходит мой учитель — один из самых успешных, профессиональных русских актеров Василий Осипович Топорков. Кторов, Гри- бов, Станицын, Яншин, Ор- лов, Массальский, Комиссаров, Петкер, Ливанов, Хмелев!

— Но именно этот момент и описан в «Театральном рома- не!» Кровищи-то было...

— Правильно. Вы же гово- рите: кровь лечит. Все живое да- ется с кровью. Знаете, вот я смотрел, как моя жена Марина рождает моего сына Павла (она просила меня побыть). И когда я увидел на головке ребенка ог- ромное кровавое пятно, я понял: все, кончаюсь. Как в рассказе Хемингуэя, помните, как инде- ец помер, когда жена его крича- ла в родах... Оказывается, кусок последа пристал к башке. Еще бы не с кровью. Все новое, все живое — только так.

— Вы писали: ваш идеал, ваша мечта — это театр-семья. «Табакерка». Во МХАТе, при- том, что Ефремов собрал у себя весь цвет театра, — такой се- мья, видимо, не было...

— Не знаю. Не жил. Не могу характеризовать... (прого- ворил О.Т. голосом Кота Мат- роскина).

— О'кей. То, что вы заста- ли, придя сюда...

— И как же вы справляе- тесь с этой матерой коммунал- кой, состоящей к тому же на 70 процентов из звезд?

— На трудности не жалу- юсь. Демократию отменил. Вот прямо девятого, в первый же день. Худсовет, совет ста- рейшин — мимо, мимо.

— То есть диктатура?

— Нет. Я просвещенный монарх. Очень просвещенный: у меня два высших образова- ния: Школа-студия МХАТ и два года университета марк- сизма-ленинизма.

— Это там у вас отбили охоту к демократии?

— Поверьте, нет глупее за- нятия, чем насаждать демок- ратию в театре. Бездарно. Вы- ход пара. Псевдуха.

— А между тем на Чапы- гина демократия у вас была.

— Первые три года. Потом мы ее переросли.

— Ваша реплика в «Кабале»: «Ненавижу королевскую тираннию!», в которую вы вкла- дываете столько пафоса, — это ВАША реплика? Или все-таки персонажа?

— Моя, моя... Мне 66 лет. Как я могу относиться к тира- ннии?

— Но при этом вы тиран?

— Нет. Я — слуга царю, отец солдатам.

вала. Олег Ефремов ушел во МХАТ, забрав с собой не самых лучших. Сколько обид. Какой не- истовый театральный роман. Никому не ответит великий ли- цедей Табаков, какие чувства обуревают его на месте... На этом самом месте. Никому из нас, любопытных и чужих. А своим — тем более. Разве только красавице-жене, своей Арманде, последней любви, выросшей из долгого, неистового театраль- ного романа. Из тайны, которая, как все тайны в театре, — сек- реты Полишинеля. На то и кули- сы. Но на то — и трактовки...

— Свой театр. Театр Табако- ва. Театр-семья. Такой театр у вас уже есть, и нахлебались вы с ним — мало не покажется. Но есть, видимо, особое наслаждение (ар- тиста, собирателя, организатора) в том, чтобы таким театром была не только «Табакерка», но и МХАТ?

— Сто-оп, стоп-стоп. Вот видите — генеалогическое дре- во. Чем я гордился всегда, что театр на Чапыгина есть маленькая веточка этого вот кор- ня. Этого древа.

— Почему?

— По эстетике, по вере те- атральной, по способу выращи- вания актера, по способу выра- щивания спектакля, по способу существования на сцене...

— Вы имеете в виду МХАТ Станиславского?

— Да. Пока да.

— Семейно-то, наверное, лег- че прокормить, чем Москов- ский Художественный академи- ческий театр?

— Жалоб не дождетесь. Что бюджет дает — на том и спаси- бо. Цеха, коммунальные услуги, зарплата, минимальные деньги на новый репертуар. А осталь- ное — и суммы, конечно, несо- поставимые — дают люди, кото- рым нравится это делать. ЮКОС, МФК... Объявился как-то настоящий граф Монте- Кристо. Инкогнито. Дал мил- лионов 15 — рублей, рублей — не пугайтесь! — на новую сцену. Впервые за 104 года в театре появилась лаборатория. «Пло- шадка молодняка». Все деньги пущены на развитие дела. Ре- монт зала, Малая сцена, арти- стические... Теперь актер при- ходит на рабочее место — чисто. И артистки не гасят «бычки» о ба- тарее, как бывало...

— Но вот это добывание денег — для некоторых уже це- лая жизнь.

— Да никакая это не жизнь! Надо все делать легко! Весело! Я и терял легко — на всех этих банковских аферах.

● P.S. 20, 21 октября в репертуар МХАТа возвращается «Чайка» в постановке О. Н. Ефремова с обновленным составом актеров: Аркадина — Ирина Мирошниченко. Трелев — Евгений Миронов.



Моя работа - Фото Михаила Гутермана - 17.10.01

Фото Олега Ефремова

● Алла БОССАРТ

Фото Михаила ГУТЕРМАНА